

УДК 81-13

DOI: 10.17223/19986645/41/7

В.Е. Чернявская

ПРОШЛОЕ КАК ТЕКСТОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

В статье осмысляется проблема лингвистического поворота в истории и его методологические следствия в анализе исторических знаний. Сопоставлены методологические подходы к литературному и историческому нарративу, взаимодействие исторического и лингвистического методов анализа. Лингвистическая интерпретация с опорой на функционально и когнитивно ориентированные принципы рассматривается как дополнительный инструмент, не подменяющий, но развивающий специальные методы историографии, позволяющие квалифицировать текст как историческое знание либо как субъективно-оценочное, квазинаучное высказывание, в котором цели историка подменяются иными целями.

Ключевые слова: историческое знание, текст, лингвистический поворот, исторический нарратив.

Постановка проблемы и метод анализа

Цель исследования – показать на основе научного междисциплинарного анализа методологические возможности лингвистического анализа в интерпретации и оценке исторических фактов. Такая исследовательская задача фокусирует проблему «текстовой реальности» в истории, при которой определенный взгляд на прошлую реальность конструируется средствами языка.

При подходе к историческому тексту существенно разграничение, с одной стороны, истории как последовательности событий, с другой – истории как описания некоторой последовательности событий, фактов. С конца 1970-х гг. происходит лингвистический поворот (linguistic turn) в исторических исследованиях. Включение в проблематику исторической реальности вопросов о языке и значении является тенденцией последних десятилетий XX в. в мировой науке, когда «история как реальность» стала наполняться еще одним смыслом, а именно как реальность, изображенная в тексте. В соответствии с такими представлениями исторические тексты создают «образ реальности», выступая посредниками между исследователем и реальными фактами.

Основополагающим допущением в проведенном исследовании является положение о том, что лингвистический анализ дает возможность объективно наблюдать и оценить содержание объективированного в текстах знания. Лингвистический анализ служит дополнительным инструментом выявления коммуникативно-познавательных и прагматических интенций и ценностей автора. В качестве основных методов анализа использовался когнитивно-дискурсивный и лингво-прагматический анализ. В соответствии с когнитивно-дискурсивным методом текстовая форма признается адекватным отражением ценностных представлений и операциональных установок субъекта ре-

чевой деятельности. Дискурсивность означает понимание текста не как изолированной единицы, но как составной части метатекстовой системы. Дискурс выражает коллективное речевое действие. Это означает возможность широкого социального управления и манипулирования, при котором особым образом «канализируются» теории, идеи, оценки, взгляды, суждения, посткоммуникативные действия различных субъектов / коллективов (подробнее см.: [1]–[4]).

Теоретические основания лингвистического поворота в историографии

Лингвистический поворот рассматривается как зонтичный термин, объединяющий различные исследовательские направления и различные дискуссии о целях и возможностях исторической науки, о самоидентификации дисциплины. Феномен лингвистического поворота был отчетливо артикулирован в 1950–1960-х гг., при этом его истоки фиксируются раньше. В строгом смысле изначально следовало бы говорить не о лингвистике в современном понимании дисциплинарных границ, но о логическом анализе языка и исторической причинности. Первоначально лингвистический поворот связывался с аналитической философией и логическим позитивизмом. Истоки усматриваются в «Логико-философском трактате» Витгенштейна, (немецкий оригинал 1921 г., перевод на английский 1922 г.), в котором сформулированы задачи изучения структуры в логическом пространстве языка, понимания логики языка. Язык – это одежда для мысли. Языковая избыточность, неопределенность способны порождать логические ошибки. В фокусе оказались, таким образом, явления грамматики, грамматического значения и грамматической семантики, способные порождать логические ловушки языка.

В последующем, в 1950–1960-е гг. позитивистский пафос освобождения мысли от одежды языка и, значит, от неполноты, неточности, от логических заблуждений трансформируется в идею о том, что мысль вне языка не существует. С 1980-х гг. активно задан новый способ проблематизации исторической науки как части гуманитарных исследований вообще: язык не просто / не только передает значения, но задает и создает восприятие и интерпретацию ситуации, а также предопределяет способ действия в ситуации. Язык – инструмент для человека, использующего язык. Язык – инструмент социальной власти. Язык структурирует реальность и оформляет представления о реальности. Понимаемый так лингвистический поворот отразил общее стремление гуманитарных наук обосновать свой особый эпистемологический статус. «Ключевыми... стали как традиционные категории языка, сознания, культуры и истории, так и только вводимые в научно-философский оборот понятия деятельности, игры, символа, функции, коммуникации, жизненного мира» [5. С. 25].

В центр социогуманитарного знания выдвинулся текст, универсальная категория текстуальности, ограничиваемая спецификой предметной области. Текст – универсальный объект гуманитарного познания. Эта убежденность Г. Шпета, М. Бахтина, Ю. Лотмана выводит понимание языка за границы только и именно чистой лингвистики. Специфика гуманитарного познания вообще определяет принцип понимания одного сознания другим через посредство текстов. «Человек в его человеческой специфике всегда выражает

себя (говорит), то есть создает текст... Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки» [6. С. 142]. Реальный мир существует в неустранимой диалогичности, адресованности другому. Поиск смыслов определен несовпадением авторского и читательского взгляда, игрой позиций. Особый интерес для гуманитарного знания представляет сближение интересов исторической науки и филологии, точнее литературоведения, в последние десятилетия XX в., ср.: [7. С. 105].

Лингвистический поворот в историографии подразумевает использование литературных приемов анализа применительно к историческому тексту, поиск интертекстуальных связей, моделей повествования, риторических средств выражения пространственных и временных отношений. Наиболее выражено это в работах Х. Уайта и его последователей. Основное значение лингвистического поворота специалисты связывают с новым способом проблематизации историографии, а именно с перемещением фокуса на субъекта исторического текста и формы нарративной истории.

Осознание художественных импликаций в работе историка, нарративности, риторических приемов связано в историографии с работами Х. Уайта и его поэтикой истории. Уайт противопоставил аналитической философии истории альтернативный, по сравнению с формальной логикой, способ восприятия прошлой действительности. По Уайту, историки не только и не столько выбирают события из множества возможных и объясняют их с опорой на научно установленные закономерности / специальные критерии научности в истории. Историки организуют события в сюжет, что предполагает оценочную интерпретацию. Х. Уайт констатировал различные измерения в историческом дискурсе – онтологическое и эпистемологическое, этическое, идеологическое, эстетическое и формальное.

Этот исследовательский вектор стал, как известно, предметом анализа в рамках нарративно-лингвистической исторической эпистемологии, возникшей в 1970-е гг. Постструктуралистское направление представлено литературными теоретиками и философами (Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида, Ю. Кристева, Ж. Женетт, У. Эко и др.), которые рассматривают исторический нарратив как один из множества «дискурсивных» кодов, который может или не может быть применим к репрезентации реальности. В работах представителей французской семиотической школы Р. Барта, Ю. Кристевой, Ж. Деррида и их последователей акцентирована связь истории-текста с идеологией, а основная прагматическая функция исторических текстов виделась в утверждении (навязывании) обществу определенной картины мира путем создания соответствующей текстовой реальности.

Действительно, историческое описание сближается с художественной интерпретацией реальности, когда предполагается объяснение психологической причинности, выявление интенций автора текста. Историк, так же как и нарратор, создает идентичности и управляет восприятием читателя через избранные стратегии повествования. Задается способ оценки и переживания событий, восприятия времени и пространства. Особое значение получает, таким образом, осмысление не нейтральности, но заданности точки зрения на события – подвижной точки зрения. Исторический текст преломляет, отражает оценки своего субъекта, нарратора.

Ассоциации лингвистического поворота в истории с постмодернизмом, с методом деконструкции, подменявшим историографию поэтикой и риторикой литературного (фикционального) текста, вызывали в разные периоды критику методологов исторической науки. Выразительно и с позиции специалиста этот критический настрой передает следующая цитата: «Граница между историей и филологией охраняется с одной стороны. Филологи любят ее пересекать, а историки не любят. С точки зрения филолога, между текстом и событием нет принципиальной разницы: во-первых, текст сам по себе является событием, во-вторых, текст вызывает к жизни новые события, в-третьих, о событиях мы знаем только через тексты и, в-четвертых, – это уже идея нового историзма – сами события разворачиваются подобно текстам, имея свою лексику, грамматику и поэтику. Историки со всем этим, скорее всего, не согласятся... События движутся сами по себе, а тексты важны только тем, что они об этом движении говорят» [8. С. 8].

Предпринятый анализ не ставит целью детальное и полное теоретическое осмысление лингвистического поворота в историографии, не предполагает ответ на вопрос о перспективности или противоречиях лингвистического направления в истории. Одновременно анализ не предполагает детальную позицию в теоретических и методологических дискуссиях историков. Сошлюсь на те принципиально значимые суждения, которые существенны для предлагаемого здесь анализа и логики предлагаемой аргументации.

Лингвистический поворот отражает переосмысление методологического подхода к гуманитарной науке в целом, суть которого исчерпывающе выразил Ю.М. Лотман. «В разных областях науки актуализируется одна и та же проблема языка, взаимодействия метаязыка описания и описываемого объекта. Из наивного мира, в котором привычным способом восприятия и обобщения его данных приписывалась достоверность... из мира, в котором ученый рассматривал действительность «с позиции истины», наука перешла в мир относительности. Вопросы языка стали касаться всех наук. По сути дело здесь в следующем: наука исходила из того, что ученый является внешним наблюдателем, смотрит на свой объект извне и поэтому обладает абсолютным «объективным» знанием. Современная наука в разных своих сферах видит ученого внутри описываемого им мира и частью этого мира» [9. С. 386]. И далее Лотман говорит о специфике исторического познания: «Прежде чем установить факты «для себя», исследователь устанавливает факты для того, кто составил документ, подлежащий анализу (область исключенного)... Можно было бы составить интересный перечень «нефактов» для различных эпох... Каждая культурно значимая разновидность текста отбирает свои факты. То, что является фактом для мифа, не будет таковым для хроники, факт пятнадцатой страницы газеты – не всегда факт для первой. Таким образом, с позиции передающего, факт – всегда результат выбора из массы окружающих событий события, имеющего, по его представлениям, значение» [9. С. 337]. И.Т. Касавин, анализируя концепцию Ю.М. Лотмана, пишет о его важном для социальной эпистемологии выводе: «Лотман представляет сильный лингвистический аргумент в пользу социального конструктивизма, согласно которому всякое знание – социальная конструкция, и адекватное истолкование знания предполагает выявление содержащихся в нем актов дея-

тельности, коммуникации и элементов прошлой культуры» [5. С. 40]. По Лотману, методология текстового анализа не тождественна методологии исторического исследования и не подменяет ее. Текст одновременно и средство понимания исторической реальности и препятствие к этому пониманию. Историк должен преодолеть сложность текстовой реальности, выступая в роли дешифровщика целей, намерений, интересов создателя текста. «Факт для него не исходная точка, а результат трудных усилий. Он сам создает факты, стремясь извлечь из текста внетекстовую реальность, из рассказа о событии – событии» [9. С. 336]. В историческом исследовании, по Лотману, происходит реконструкция авторского кода, изымающая факт из контекста. Факт без контекста – релевантный исторический факт.

Следующие системообразующие положения исторической теории позволяют на современном этапе квалифицировать историческое знание как знание научное, т.е. новое, доказательное, преемственное.

В историографии с 1990-х гг. по-новому фокусируются вопросы верификации, принципы доказательности, корректности научного утверждения [10. С. 7]. Профессиональное сообщество историков переживает ситуацию смены, а точнее, сосуществования и противоборства парадигм в смысле общего для сообщества видения своего объекта и познавательных возможностей истории как науки. Одна из парадигм истории как строгой науки стремится к критериям точности, системности и доказательности знания. Другая парадигма видит организующий момент исторического знания в ценностном выборе историка [10. С. 16]. Такое сосуществование подходов создает теоретико-методологическое напряжение. В результате академических дискуссий сформулирована методологическая установка на более тонкий и углубленный анализ взаимодействия между текстом и читателем.

Историк всегда предполагал определенный разрыв, дистанцию смыслов автора источника и его интерпретатора. Проблема заключается, собственно, не в том, что историк не осознает дистанции, но в том, что это потребовало методологической рефлексии относительно исследовательского метода исторической науки. Принципиально значимым стало осознание меры междисциплинарного взаимодействия, ответ на вопрос, чем цели интерпретации исторического текста отличаются от целей интерпретации литературного произведения [7. С. 106]. «В ходе научного анализа источника голоса обоих субъектов – автора и исследователя – должны быть четко различимы... Лишь синтез двух взаимодополняющих подходов к изучению источника дает возможность представить изучаемый источник как явление культуры» [7. С. 127].

Данное утверждение влечет за собой принципиально значимую специфику в работе с историческим прошлым. В исторической науке используется метод репрезентации, суть которого в замещении реального объекта моделью, а именно языковой структурой, текстом, которые выступают в качестве посредника между исследователем и самим объектом познания. Это существенно повышает роль субъектного фактора в историческом познании (подробнее см.: [11–15]). Возможна множественность описания исторического прошлого, которая порождается на двух уровнях. Во-первых, вербализованная реальность, т.е. реальность, сконструированная средствами языка, не то-

жественна самой реальности как последовательности фактов, событий, явлений. И во-вторых, множественность оценок может быть интенционально обусловленной и зависеть от психологических, социальных, религиозных, этнических, идеологических ценностей автора текста.

Текстовый анализ

Вариативность исторической интерпретации может становиться инструментом конструирования «национальной истории», т.е. новой интерпретации исторического нарратива в связи с иной политической идентичностью народа. Столкновение различных национальных политических проектов неизбежно порождает столкновение различных описаний истории / исторических нарративов. Исторический нарратив может получать статус государственной идеологии в условиях латентного политического конфликта.

Примером такого конфликта в XX в. может служить ситуация в Кавказском регионе в отношениях между Арменией и Азербайджаном. В основе конфликта – вопрос о государственной принадлежности территории Нагорного Карабаха. Исторические истоки этнополитического конфликта таковы. Равнинная и нагорная части Карабаха уже в конце VII – начале VI в. до н.э. стали территорией серьезных политических и этнических сдвигов, перегруппировок сил. В 1905–1907 и 1918–1920 гг. Нагорный Карабах дважды становился ареной кровопролитного армяно-азербайджанского конфликта. При советской власти равнинный Карабах входит в состав Азербайджана, Нагорный же Карабах становится ареной сначала споров, а затем вооруженных столкновений между азербайджанцами и армянами. Начиная с 1921 г. Нагорный Карабах вошел в состав Азербайджанской ССР, а в 1923 г. была создана вначале автономная область Нагорного Карабаха, которая в 1937 г. стала Нагорно-Карабахской автономной областью (НКАО). В период распада СССР регион стал зоной конфликта, который перешел в стадию вооруженного столкновения в 1992–1994 гг. В 1992 г. учреждена Минская группа тогда еще Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) по урегулированию нагорно-карабахского конфликта, сопредседателями которой ныне являются США, Россия и Франция.

Показательным примером политизированной интерпретации прошлого является известный специалистам политологам и историкам Указ президента Азербайджана Г. Алиева от 1998 г. о геноциде азербайджанцев. В абсолютном начале текста – его инициальном предложении сформулировано: *Достижение независимости Азербайджанской Республики сделало возможным воссоздание объективной картины исторического прошлого нашего народа.*

В структуру высказывания заложено скрытое суждение: ранее историческое прошлое азербайджанского народа представлялось необъективно. Эта навязанная пресуппозиция поддерживается далее значением языковых единиц, создающих в своей совокупности два противоположных семантических поля: объективная история vs сфальсифицированная история: *Раскрываются засекреченные долгие годы, находящиеся под гнетом запрета истины, выявляется подлинная суть сфальсифицированных в свое время фактов.*

Геноцид против азербайджанского народа... является одной из нераскрытых страниц истории.

В советской печати армянами искажались исторические факты, вводя в заблуждение общественное мнение.

В республике не была дана правильная оценка... на начальном этапе...

Ложная армянская история... возводилась до уровня государственной политики.

Языковые единицы «воссоздать, раскрывать, засекреченные документы, истина, подлинная суть; сфальсифицированное, ложное, искажались» и др. выступают как антитезы, создавая эффект содержательного контраста.

Историческое прошлое в этом тексте предстает не как последовательность событий, но как еще – пока – неизвестное, засекреченное прошлое. Иное описание этого прошлого представляется как ложное и полностью отрицается. Как следствие, событийная последовательность становится вторичной по отношению к той идеологической позиции, которую занимает автор текста. Языковые средства описания, оценки, аргументации направлены в своей совокупности на оппозицию: «объективная история» представлена здесь, в этом тексте, у других же – «сфальсифицированная история». Язык становится не инструментом описания действительности, но инструментом конструирования действительности, средством воздействия на получателя сообщения с целью сформировать, изменить его оценки в интересах отправителя сообщения. Это следует, среди прочего, из того, что в указе 1998 г. «армянская» картина исторического прошлого сопровождается только и именно отрицательной оценкой. Она создается за счет номинаций с негативной семантикой типа *агрессор, кровожадный враг* в отношении армян; за счет номинаций азербайджанской стороны как жертвы, объекта захватнических действий со стороны другого *геноцид азербайджанцев; оккупация азербайджанских земель, оккупация армянскими вооруженными силами 20% нашей территории*; за счет указания на неправомерный статус армянской государственности: *...так называемая «армянская область»; таким искусственным территориальным делением были созданы предпосылки...; авантюристические территориальные притязания армян.*

Вмешательство политики в исторический дискурс связано также с привнесением идеологической оценочности в историческую хронологию. Связываются не события, но их интерпретация. В анализируемом тексте создается такая содержательно-смысловая и формальная связность структуры, при которой разные по своим причинам события из прошлого выстраиваются в одну логическую и тематическую цепочку. События из прошлого становятся как бы эталоном для оценки настоящего. В тексте созданы определенные семантические и композиционные доминанты, т.е. такие компоненты текстового целого, которые определяют восприятие и интерпретацию всех прочих компонентов текстовой структуры. Так, указ 1998 г. композиционно членится на микротексты по внешнему хронологическому принципу от одного этапа прошлого к другому. Каждая из этих структурных составляющих прагматически фокусирует ключевой тезис «Азербайджан – жертва, и это состояние непрерывно продолжается от одного исторического этапа к другому». Приведем фрагментарно границы выделяемых тематических разделов (нумерация моя. – В. Ч.).

1. С подписанием в 1813 и 1828 гг. Гюлистанского и Туркманчайского договоров началось расчленение азербайджанского народа <...>.

2. Воодушевленные иллюзиями о создании «Великой Армении» армянские захватчики в 1905–1907 годах провели ряд широкомасштабных кровавых акций против азербайджанцев. ...Были разрушены и стерты с лица земли сотни населенных пунктов <...>.

3. Используя в своих целях ситуацию после Первой мировой войны, Февральской революции и октябрьского переворота 1917 г. в России, армяне стали добиваться реализации своих планов под знаменем большевизма <...>. С марта 1918 г. приступили к осуществлению преступного плана. Совершенные армянами в те дни преступления навсегда запечатлелись в памяти азербайджанского народа <...>.

4. Армяне в своих гнусных целях в 1920 г. объявили Зангезур и ряд земель Азербайджана территорией Армянской ССР <...>.

5. В феврале 1992 г. армяне учинили невиданную расправу над населением города Ходжалы... Во время оккупации армянскими вооруженными силами 20 % нашей территории пали жертвами и стали инвалидами тысячи наших сограждан.

6. Все трагедии Азербайджана, произошедшие в XIX–XX веках, сопровождались захватом земель, являлись различными этапами осуществляемой армянами против азербайджанцев политики геноцида...

В ознаменование всех трагедий геноцида, совершенных против азербайджанского народа, постановляю: объявить 31 марта Днем геноцида азербайджанцев <...>.

Обращает на себя внимание сквозная хронологическая прогрессия: 1813 г. и 1828–1905–1907–1917–1918–1920–1992 гг. Она объединяет в единое целое различные по своей природе исторические события. Хронология задает очень широким штрихом рамки исторического прошлого. При этом хронологические маркеры не нацелены на точное объективное указание на исторический контекст события. Здесь это в первую очередь тактика манипулирования, отсылающая адресата к прошлому, но функционально создающая квазиисторическое описание.

Конец текста содержит ясно выраженные сигналы, заставляющие читателя объединить данную в тексте последовательность событий и их оценку. Создана своего рода рамочная конструкция, отсекающая потенциальную множественность интерпретаций. Исторический анализ подменен готовой оценкой. А альтернативные факты, вводимые в историческое описание, не расширяют объяснительный потенциал исторической науки, но отсекают от анализа иные возможные точки зрения. Возникший образ прошлого – одномерный и тотальный. Подобная практика оперирования хронологическими рядами, делающая прошлое актуальным настоящим, характерна для специфического типа политического мышления. Эта практика позволяет политикам распространять технологический подход на будущее, настоящее и прошлое – «у нас всегда остается шанс вернуть «неправильную» ситуацию к моменту, когда было «правильно» [16. С. 135].

Заключение

Лингвистический анализ не подменяет и не заменяет специальный анализ историков. Методологические возможности лингвистической интерпретации исторических текстов заключаются в том, что представляются и научно описываются способы модусы лингвистического конструирования реальности: «мир в прошлом» соотносится с миром «в настоящем» и в желаемом будущем. Это значит, что лингвистический анализ способен создать особый ракурс рассмотрения проблемы верификации и удостоверения исторического знания, а именно поставить в фокус внимания фундаментальный для гуманитарного знания вопрос о том, насколько реальность заменяется ее описанием.

Лингвистический аппарат и инструментарий функционально и когнитивно ориентированной науке о языке позволяет реконструировать не только доминирующую коммуникативно-прагматическую стратегию автора текста, но и расчленить ее на операциональные прагматические установки, обеспечивающие тонкий глубинный анализ подлинного смысла высказывания / текста. Основываясь на формах вербализации, исследователь может делать вывод об истинных, а не декларируемых интенциях субъекта коммуникативной деятельности. И в таком аспекте лингвистическая интерпретация становится дополнительным инструментом наряду со специальными методами и принципами историографии, позволяющим квалифицировать некий текст как историческое знание, т.е. научное, доказательное знание, либо как субъективно-оценочное, квазинаучное, квазиисторическое высказывание, в котором цели историка подменяются иными целями. В таком методологическом и операциональном соединении видится действительное значение междисциплинарного вектора современной гуманитаристики.

Политизированные тексты об истории показывают, что историческая действительность конструируется в зависимости от интенции субъекта описания (автора текста) и – шире – субъекта власти. В зависимости от политической позиции автор / субъект описания истории выбирает соответствующий собственным ценностям образ исторической реальности – реальности, какой она должна была бы быть в его политической картине мира. Иное оказывается недействительным, а значит, неисторическим.

В лингвистическом конструировании прошлого опасно безальтернативное представление для широкой общественности, не обладающей специальными знаниями в области истории. Именно неспециалист, массовый получатель информации выступает как адресат политического воздействия. Показателем ненаучности исторического описания следует считать такое языковое формулирование, при котором невозможно разграничить факты и их оценку. Языковые средства способны создавать и усиливать впечатление о конфликте как существующем всегда и неизбежно. Языковыми средствами можно провоцировать и пролонгировать конфликт. Лингвистическая методика дает возможность научного объяснения и противостояния конфликтогенности и, среди прочего, фальсификации истории.

Литература

1. Молодыхенко Е.Н. Об операционализации категории «ценность» в текстовом и дискурсивном анализе: к вопросу о лингвистической аксиологии // Вестн. Моск. город. пед. ун-та. 2015. №3. С. 90–97.
2. Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. История в дискурсе политики. Лингвистический обзор «своих» и «чужих». М.: УРСС Либроком, 2014.
3. Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. История в политике: методология и методика дискурсивного анализа // Язык. Текст. Дискурс. 2014. Вып. 12, ч. 1. С. 43–64.
4. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: УРСС: Либроком, 2013.
5. Касавин И.Т. Язык и сознание как элементы социокода. Истоки современного дискурсивного анализа // Язык и сознание: аналитические и социально-эпистемологические контексты. М.: Альфа-М, 2013. С. 24–60.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
7. Медушевская О.М. Теория, история и метод источниковедения // Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцев М.Ф. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории. М., 2000. С. 19–170.
8. Эткнд А.М. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение, 2001, № 47. С. 4–12.
9. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001.
10. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 360 с.
11. Iggers G. Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Post-modern Challenge. GeorgWesleyan, 2005. 208 p.
12. Уайт Х. Метаистория / пер. с англ. Екатеринбург, 2002.
13. Küttler W., Rüsen J., Schulz E. (Eds.) Geschichtsdiskurs. Bd. 1: Grundlagen und Methoden der Historiographieggeschichte. Frankfurt/M., 1993.
14. Меггил А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007.
15. Медушевская О.М. Теория исторического познания. СПб.: Университетская книга, 2010.
16. Золян С.Т. Описание регионального конфликта как методологическая проблема // Полис (Политические исследования). 1994. № 2.

HISTORICAL PAST AS A TEXTUAL REALITY: LINGUISTIC APPROACH IN HISTORICAL NARRATIVE AND ITS METHODOLOGICAL IMPLEMENTATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 3 (41). 76–87. DOI: 10.17223/19986645/41/7

Chernyavskaya Valeria E., Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

Keywords: verbalization of the past, text, linguistic turn in history, historical narrative.

The article examines the linguistic turn and its impact on the relationship between language and history which began to be significant in the humanities in the early 20th century. The linguistic turn has challenged the traditional tenets of historical objectivity which assume that there is a real past which can be described as it actually happened. Instead, proponents of the linguistic turn (H. White, G. Iggers, R. Barthes, F. Ankersmit, J. Derrida) argue that the past does not exist outside our textual representations of it. Textual representations cannot be separated from the ideological and axiological values of historians – text authors. These are profound changes in the ideas about the nature of history and historiography.

The paper focuses on a contemporary interdisciplinary approach in historiography moving away from postmodernism and deconstructivism in historical narrative towards balanced approaches that give greater attention to socio-cultural factors in the interpretation of the past. The key presumption is that history is a mode of knowing the reality due to the objective facts and its active anthropocentred

interpretation. Historical representations are not static, they reflect pluralities of meanings. They are flexible and more than prone to distortion when values come into play. A clash of different political perspectives is a clash of different historical descriptions. And in this clash a power-wielding social agent has the power to reinterpret the history that will fit their political narrative with other interpretations outlawed and rendered unhistorical.

The aim of the research is to look into specific linguistic principles of analyzing “the verbalized past”. Thus, the study of the historical narrative should be historiographical as well as linguistic. It is a new approach in a complex multidisciplinary study revealing the true nature of the historical knowledge as a scientific one.

Linguistic interpretation of the verbalized past based on pragmalinguistic analysis and discourse analysis reveals ideological interests in rhetorical constructions in a historical description. Texts reflecting the discourse practice of state leaders in the geopolitical situation in the Caucasus between Armenia and Azerbaijan over Nagorny Karabakh were looked into.

Methods used: linguo-pragmatic text analysis, cognitive discourse analysis.

Findings and Results: it was found that the political narrative can substitute the historical description of the reality. The linguistic strategies and means act as a tool of reconstruction and reinterpretation of the past in political perspectives.

References

1. Molodychenko, E.N. (2015) The Concept of Value in Textual and Discourse Analysis: towards Linguistic Axiology. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. 3. pp. 90–97. (In Russian).
2. Chernyavskaya, V.E. & Molodychenko, E.N. (2014) *Istoriya v diskurse politiki. Lingvisticheskiy obraz “svoikh” i “chuzhikh”* [History in political discourse. Linguistic image of “us” and “them”]. Moscow: URSS Librokom.
3. Chernyavskaya, V.E. & Molodychenko, E.N. (2014) *Istoriya v politike: metodologiya i metodika diskursivnogo analiza* [History in politics: methodology and methods of discourse analysis]. *Yazyk. Tekst. Diskurs*. 12-1. pp. 43–64.
4. Chernyavskaya, V.E. (2013) *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Text Linguistics. Linguistics of discourse]. Moscow: URSS, Librokom.
5. Kasavin, I.T. (2013) *Yazyk i soznanie kak elementy sotsiokoda. Istoki sovremennogo diskursnogo analiza* [Language and consciousness as elements of the social code. The origins of modern discourse analysis]. In: Kasavin, I.T. (ed.) *Yazyk i soznanie: analiticheskie i sotsial'no-epistemologicheskie konteksty* [Language and consciousness: analytical and socio-epistemological contexts]. Moscow: Al'fa-M.
6. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
7. Medushevskaya, O.M. (2000) *Teoriya, istoriya i metod istochnikovedeniya* [The theory, history and technique of source studies]. In: Danilevskiy, I.N. et al. *Istochnikovedenie: teoriya, istoriya, metod. Istochniki rossiyskoy istorii* [Source studies: Theory, History, method. Sources of Russian history]. Moscow: RSUH.
8. Etkind, A.M. (2001) *Novyy istorizm, russkaya versiya* [New Historicism, Russian version]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 47. pp. 4–12.
9. Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.
10. Medushevskaya, O.M. (2008) *Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii* [Theory and methodology of cognitive history]. Moscow: RSUH.
11. Iggers, G. (2005) *Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Georg Wesleyan.
12. White, H. (2002) *Metaistoriya* [Metahistory]. Translated from English. Ekaterinburg: Ural State University.

13. Küttler, W., Rüsen, J. & Schulín, E. (eds) (1993) *Geschichtsdiskurs* [Historical discourse]. Vol. 1. Frankfurt.
14. Meggil, A. (2007) *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Translated from English. Moscow: Kanon+.
15. Medushevskaya, O.M. (2010) *Teoriya istoricheskogo poznaniya* [The theory of historical cognition]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
16. Zolyan, S.T. (1994) *Opisanie regional'nogo konflikta kak metodologicheskaya problema* [Description of a regional conflict as a methodological problem]. *Polis*. 2.